

Запредельное кино

Есть кино для публики и есть для самовыражения. Во втором случае автор утверждает, что публика ему безразлична: кто захочет — посмотрит. Такая позиция в сущности индульгенция: можно всё. Живописуя это «всё», автор считает нужным предупредить: на экране не мои страсти, а зеркало, которое я поставил перед человечеством. У автора всегда есть союзники в кинотусовке, они говорят: какая жизнь — такое кино. И тот и другие лукавят, потому что искусство никак не зеркало, а отражение сознательного выбора и субъективного ракурса. О человечестве горевал и Шекспир, и горы трупов в его финалах не располагали к оптимизму, но за четыре века никто не заподозрил его в личной страсти к тому, что позже назовут садизмом.

Валерий КИЧИН

Роковое влечение-2

Японец Такеси Миике в свои 42 года снял 51 картину, заслужив репутацию режиссера всеядного, плодовитого и склонного к эпатажу. Выстреливая по 5—6 лент в год, он делал триллеры и мюзиклы, мыльные оперы и фильмы-жудзы, но вскоре понял, что фестивальную тусовку легче завоевать смесью «большого кино» с физиологическим шоком. И вскоре действительно вошел в число фигур «культовых».

Его «**Кинопроба**» — очень расчетливо составленный коктейль. Первая половина — лирическая мелодрама, почти всерьез копирующая стиль «Мужчины и женщины» Лелуша (Миике даже вводит в фонограмму меланхолическое фортепиано). Здесь режиссер средних лет, потеряв жену, ищет новую подругу жизни и по совету коллеги предлагает всем желающим принять участие в кинопробах. Заторможенная японская созерцательность кокетливо чередуется с рваным монтажом (опять же отсылающим к Лелушу); ритмические перепады очень хороши, как хороши и актеры. Появление в череде претенденток будущей героини обставлено торжественно: камера немеет вместе с героем, нас долго интригуют, не показывая лица, и мы понимаем: и в фильм, и в жизнь героя вошло нечто экстраординарное.

Мелодрама перетекает в триллер. Герой очарован, но его друзья провидят в девушке нечто страшное. А тут и автор фильма исподволь, на уровне пресловутого «25-го кадра», вводит почти музыкальную тему затаившегося кошмара: что случилось — не поймешь, даже если прокрутить эпизод заново, но фортепиано играет уже не французский шансон, а тему рока из «Кармен». Богиня преобразуется в монстра — садиста-убийцу, сладострастно перепиливает жертвам шеи и ноги. Не ожидавшая подобного публика в шоке, кинопресса немедленно дает фильму приз в Роттердаме. К тому же автор настаивает, что все происшедшее — плод типовых страхов типового мужчины перед красивой женщиной. Это сомнительное предположение и фиксируют послушные критики. Кассеты «Партнер видеофильм», оценки 8/6.

*известия - 2002 -
25 мая - с. 9*

